

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

АГАФОНОВ Андрей Юрьевич

**ФЕНОМЕН ОСОЗНАНИЯ
В КОГНИТИВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

19.00.01 – общая психология, психология личности,
история психологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора психологических наук

Санкт-Петербург

2006

Работа выполнена на кафедре общей психологии факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета

Научный консультант: доктор психологических наук, профессор
Аллахвердов Виктор Михайлович

Официальные оппоненты: доктор психологических наук, профессор
Еремеев Борис Алексеевич

доктор психологических наук, профессор
Маклаков Анатолий Геннадьевич

доктор психологических наук, профессор
Худяков Андрей Иванович

Ведущая организация: Санкт-Петербургская академия
постдипломного педагогического
образования

Защита состоится «__» декабря 2006 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.232.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 6, факультет психологии, ауд. 227.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке им. М. Горького при Санкт-Петербургском государственном университете по адресу: Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7/9.

Автореферат разослан «__» _____ 2006 г.

Ученый секретарь диссертационного совета

Л.И. Августова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования определяется возросшим интересом к проблеме сознания в отечественной и зарубежной психологии. Несмотря на накопленный опыт, многие методологические и теоретические аспекты этой фундаментальной проблемы остаются дискуссионными. В частности, обращает на себя внимание неоднозначность рассмотрения вопроса о неосознаваемых детерминантах когнитивной активности сознания. Решение этого вопроса непосредственно связано с анализом работы механизмов сознания и обсуждением феномена осознания в русле исследований познавательной деятельности.

История собственно психологического изучения сознания начинается с возникновения самой психологии как самостоятельной сферы научного знания. Со времен В. Вундта в мировой и отечественной психологии неоднократно предпринимались попытки описать структуру сознания и объяснить принципы его работы (W. James, 1890; Е.В. Титченер, 1898; Б.Г. Ананьев, 1961; Л.С. Выготский, 1960; А.Н. Леонтьев, 1975; Б.Ф. Ломов, 1981; А.Р. Лурия, 1998; С.Л. Рубинштейн, 1959; В.А. Ганзен, 1984; В.П. Зинченко, 1991; Л.М. Веккер, 1998, 2000; В.В. Столин, 1983; В.М. Аллахвердов, 1993, 2000, 2003; D.C. Dennett, 1991, 1996; В.Л. Ваарс, 1988; N. Block, 1995, Р.М. Churchland, 1984; N. Eilan, 1995 и др.). Однако по сей день актуальной задачей остается разработка общепсихологической теории, в рамках которой должны быть предложены ответы на следующие вопросы: Как следует изучать сознание? Каким образом функционируют когнитивные механизмы сознания? Как объяснить феномен осознания? Какие факторы влияют на эффекты осознания?

Термин «сознание» многозначен. Однако в психологической науке, как правило, явления сознания ассоциируются с осознаваемыми переживаниями. Сознательную деятельность принято противопоставлять бессознательной активности (или неосознаваемой обработке информации). Очевидно, что осознанность сопровождает не все виды психической деятельности, «это не только особая форма, но и особое качество психики. Собственная психическая деятельность индивида может протекать как осознанно, так и неосознанно» (Чеснокова, 2003). Вместе с тем работа механизмов сознания, то есть сама сознательная деятельность, сознанием не осознается, хотя и обеспечивает конечные результаты – осознаваемые психические продукты, в том числе когнитивного свойства. Таким образом, о работе сознания можно иметь представление, только опираясь на анализ продуктов деятельности сознания. Эмпирическими индикаторами этой деятельности могут служить вербальные и моторные реакции, продукты предметной деятельности человека, а также психофизиологические показатели (зрачковые реакции, сосудистые реакции, частота сердечных сокращений, кожно-гальваническая реакция, вызванные потенциалы мозга и т.п.), когда последние рассматриваются в качестве маркеров тех изменений, которые имели место в сознании в

предшествующие моменты времени. В свою очередь, постулирование неосознаваемых когнитивных структур и процессов требуется для выявления существующих закономерностей в работе сознания и объяснения феномена осознания.

Подход, при котором происходит отождествление сознательного и осознаваемого, препятствует пониманию логики работы механизмов сознания, поскольку предполагает, что сфера сознания не может включать в себя неосознаваемые явления. Кроме того, поиски осознаваемых детерминант осознания, как свидетельствует история интроспективной психологии, не привели к успеху. Весь путь, который был пройден психологией в двадцатом столетии, показывает: для того чтобы объяснить осознаваемый опыт, нужно выйти за его пределы.

Теоретическое представление о феномене осознания должно строиться таким образом, как если бы сама когнитивная деятельность сознания не зависела от конструкции мозга, строения нервной системы и физиологии организма, с одной стороны, и социологии микро- и макроокружения личности – с другой. Это не означает, что функционирование сознания эмпирического субъекта не испытывает на себе внешних влияний. И состояние мозговой активности, и социальные факторы оказывают существенное влияние на работу сознания отдельного индивидуума. Однако в зеркале теории не сознание эмпирического субъекта является предметом рассмотрения. Теоретическая репрезентация сознания – это всегда идеализация, и в этой идеализации не должно находить себе места эмпирическое многообразие физиологических и социальных факторов. Поэтому и эффекты осознания, порожденные когнитивной деятельностью, не должны объясняться физиологическими причинами и действием социальных факторов. Такой подход соответствует позиции когнитивистов, согласно которой, необходимой и достаточной логикой для объяснения продуктов психической активности может служить логика когнитивной деятельности. В этом случае эффекты осознания оправдано трактовать как результаты познавательной деятельности, осуществляемой сознанием. Данный взгляд на возможность теоретической реконструкции функционального устройства сознания в полной мере согласуется с принципом гносеологической редукции, который получил обоснование в работах В.М. Аллахвердова, в частности, в авторской монографии «Опыт теоретической психологии» (1993).

Теоретическая реконструкция неосознаваемой деятельности сознания в первую очередь означает описание принципов работы функциональных механизмов и выявление тех факторов, которые влияют на возникновение и характер осознаваемого. В контексте такого понимания цели научно-психологического изучения сознания неизбежно возникает вопрос о роли феномена осознания в познавательной деятельности. Этот вопрос можно сформулировать так: «Какой когнитивный смысл имеет осознание?»

Значимость построения психологической теории сознания определяется не только академическими интересами, но и необходимостью сохранения теоретического базиса психологии как единой науки, созданием центростремительных процессов в противовес наблюдаемой в настоящее время тенденции нарастающей дифференциации психологического знания. Еще Л.С. Выготский, предостерегая от распада психологии на различные типы наук, призывал к систематизации накопленных психологией эмпирических фактов и ревизии исследовательских подходов на почве общетеоретической дисциплины. Правда, в отличие от 20-х годов XX века в настоящее время уже не наблюдается тенденция разделения прикладных отраслей психологии в сторону общепсихологической дисциплины. Доминирование дифференциации над интеграцией психологического знания является все более заметным. Вместе с тем знание о сознании составляет ядро теоретической психологии. Попытки построения общепсихологической теории сознания, в рамках которой должен получить объяснение феномен осознания, являются залогом сохранения и развития психологии как гетерогенной, но целостной науки.

Изучение феномена осознания не в меньшей степени отвечает требованиям психологической практики, ведь оценка эффективности психологической помощи во многом связана с анализом изменений в осознаваемом опыте субъекта. Поскольку осознание является мощным фактором трансформации личности, исследование механизмов, ответственных за возникновение осознаваемых переживаний, представляется несомненно актуальным и в практическом плане.

Объект исследования: когнитивная деятельность сознания.

Предмет исследования: феномен осознания и факторы, влияющие на неосознаваемое принятие решения об осознании.

Методологические и теоретические основания исследования: основные положения современной когнитивной психологии, в которых отражено представление о человеке как о многофункциональной познавательной системе (Дж. Брунер, 1977; У. Найссер, 1981; Б.М. Величковский, 1976, 1982; В.П. Зинченко, 1979, 1997; Т.П. Зинченко, 2000; Б. Барс, 1988, 1994; Д. Норман, 1978, 1981; Р.Л. Солсо, 1996; Г. Сперлинг, 1970, 1980; А. Трейсмэн, 1969; J.F. Kihlstrom, 1987; A.S. Reber, 1989 и др.); информационный подход к описанию психических процессов Л.М. Веккера; системный подход В.А. Ганзена; теоретические положения о природе сознания, развитые в трудах Л.С. Выготского; деятельностный подход А.Н. Леонтьева; подход В.П. Зинченко к описанию структуры сознания; теория установки Д.Н. Узнадзе; теория понимания В.В. Знакова.

Базовой для исследования является теория сознания В.М. Аллахвердова.

Исследование опирается на взаимодополняющие методологические принципы и подходы:

- принцип конвенциональности Т. Куна;
- принцип методологического фальсификационизма К. Поппера;

- принцип утонченного фальсификационизма И. Лакатоса;
- комплексный подход Б.Г. Ананьева;
- системный подход Б.Ф. Ломова;
- принцип единства сознания и деятельности С.Л. Рубинштейна;
- принцип гносеологической редукции В.М. Аллахвердова;

Цель исследования: обосновать наличие в функциональной организации сознания механизма принятия решения об осознании и описать виды неосознаваемого влияния на эффекты осознания.

В соответствии с предметом и целью исследования были поставлены следующие **задачи:**

1. Осуществить теоретический анализ феномена осознания в контексте изучения сознания в психологии.

2. Сформулировать представление о законах когнитивной активности сознания.

3. Проанализировать факторы, влияющие на эффекты осознания / неосознавания.

4. Систематизировать основные виды неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании / неосознавании.

5. Описать структуру бессознательного как памяти в аспекте сохранения информации.

6. Описать этапы неосознаваемой когнитивной деятельности, предваряющей эффекты осознания.

7. Экспериментально проверить зависимость эффективности воспроизведения (осознания) от отношения значимости информации ко времени интервала удержания следа в памяти.

8. Провести серию экспериментальных исследований деятельности сознания при решении когнитивных задач.

9. Экспериментально изучить эффекты последствий ранее не осознанной информации, в частности, проверить существование неосознаваемого негативного выбора в условиях гипнотического запрета на осознание.

Гипотезы исследования:

1. Основные виды влияния на процесс принятия решения об осознании / неосознавании дифференцируются на следующих основаниях:

- «осознанность – неосознанность» информации, влияющей на принятие решения;
- временная отнесенность фактора, детерминирующего принятие решения.

2. На принятие решения как об осознании, так и неосознавании влияет как ранее осознанный, так и ранее не осознанный опыт.

3. Актуальная иррелевантная информация оказывает влияние только на эффекты осознания.

4. Семантическое сходство с актуальной иррелевантной информацией оказывает негативное влияние на эффекты осознания релевантной информации.

5. При сохранении мнемических следов способность к их воспроизведению зависит от отношения интенсивности следообразования ко времени интервала удержания следа в памяти.

6. Эффект неосознаваемого негативного выбора будет наблюдаться в гипнотическом состоянии (в условиях гипнотического запрета на осознание).

Положения, выносимые на защиту:

1. Необходимым функциональным блоком в структурной организации сознания является механизм принятия решения об осознании / неосознавании.

2. Класс неосознаваемых явлений сознания включает в себя функциональные механизмы сознания и неосознаваемое содержание сознания.

3. Эффекты осознания в большей степени обусловлены воздействием ранее осознанной информации по сравнению с влиянием ранее не осознанного опыта.

4. Контроль успешности игнорирования иррелевантной информации приводит к ее осознанию, снижая эффективность обработки релевантной информации.

5. Осознание является следствием когнитивного выбора одного из возможных способов понимания явлений действительности.

6. Реализация решения об осознании осуществляется рефлексивным механизмом сознания, который обеспечивает субъективную очевидность осознанных переживаний.

Экспериментальные парадигмы и методы исследования:

1. Экспериментальная парадигма исследования прайминга.

2. Экспериментальная парадигма «задача лексического решения».

3. Метод наблюдения.

4. Метод ассоциативного эксперимента.

5. Методы исследования перцептивной интерференции.

6. Метод решения экспериментальных задач.

7. Методы исследования памяти (метод воспроизведения, метод узнавания).

8. Методы гипнотической индукции.

9. Методы статистической обработки данных.

Научная новизна.

1. Впервые систематизированы основные виды неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании / неосознавании. Предложенная структура описания дала возможность обобщить разрозненные факторы, обуславливающие эффекты осознания в процессе когнитивной деятельности.

2. Впервые предложено описание различных видов понимания, осуществляемых сознанием: латентное понимание, позитивное понимание, негативное понимание (понимание непонимания), рефлексивное понимание.

3. Предложено новое описание бессознательного как памяти в аспекте сохранения информации. Бессознательное включает в себя три мнемические

зоны: зона открытого доступа, зона частичного доступа, зона закрытого доступа. Семантическое содержание мнемических зон характеризуется различной степенью потенциальной осознанности.

4. Впервые описаны этапы неосознаваемой когнитивной деятельности, предваряющей эффекты осознания.

5. Предложено новое объяснение феномена осознания в гипнотическом состоянии. Отсутствие осознания в ситуации гипнотического запрета является эффектом деятельности сознания, связанной с принятием решения о неосознавании.

6. Впервые экспериментально подтверждено наличие эффекта неосознаваемого негативного выбора в гипнотическом состоянии сознания (в условиях гипнотического запрета на осознание).

7. Разработаны оригинальные методические приемы экспериментального исследования когнитивной деятельности сознания.

Теоретическая значимость.

1. Создана теоретическая основа изучения феномена осознания на основе базовых положений когнитивной психологии.

2. В ходе теоретического анализа проблемы исследования и экспериментальной проверки гипотез было доказано, что эффект осознания есть конечный результат последовательной работы неосознаваемых механизмов сознания, одним из которых является механизм принятия решения об осознании.

3. Предложен оригинальный подход к изучению феномена осознания в когнитивной деятельности: эффекты осознания, порожденные неосознаваемой деятельностью сознания, являются следствием когнитивного выбора одного из потенциально возможных вариантов понимания реальности.

4. Осуществлено теоретическое обобщение основных видов влияния на принятие решения об осознании / неосознавании.

Практическая значимость.

1. Результаты диссертационного исследования могут применяться в тех областях психотерапевтической практики, где осознание играет решающую роль в плане достижения терапевтических эффектов.

2. Результаты диссертации могут быть использованы в практике судебно-психологической и психолого-психиатрической экспертизы.

3. Результаты исследования могут использоваться в процессе психологического консультирования.

4. Результаты исследования использованы в целях проектирования разных видов деятельности, которые предполагают сознательный контроль.

5. Результаты диссертации отражены в содержании учебных курсов «Общая психология» (раздел «Познавательные процессы»), «Экспериментальная психология» и «Методологические основы психологии», читаемых в Самарском государственном университете.

6. Методические разработки, использованные в исследовании, нашли применение в организации на базе Самарского государственного университета «Общепсихологического практикума».

Достоверность и надежность результатов.

Достоверность и надежность результатов обеспечены применением современных средств планирования, организации и проведения научных исследований, а также достигаются благодаря использованию статистических методов обработки эмпирических данных: критерий ϕ^* Фишера; критерий χ^2 Пирсона; критерий Колмогорова-Смирнова; t -критерий Стьюдента; t -критерий Шеффе; T -критерий Вилкоксона; метод моделирования латентных изменений; однофакторный дисперсионный анализ; регрессионный анализ.

Соответствие полученных эмпирических результатов принятым научным критериям валидности и надежности достигалось путем использования представительных выборок испытуемых. Экспериментальные гипотезы проверены на конвенционально принятом уровне значимости.

Апробация результатов исследования.

Результаты диссертационного исследования были апробированы на многочисленных методологических семинарах, проводимых на протяжении последних пяти лет на психологическом факультете Самарского государственного университета; на заседаниях кафедры общей психологии Санкт-Петербургского государственного университета; на заседаниях кафедры общей психологии и психологии развития Самарского государственного университета; на международной конференции «Проблемы интеграции академической и практической психологии» (Самара, 1999); на международной конференции «Интеграция науки в высшей школе» (Самара, 2001); на всероссийской научной конференции «Смысл и выражение: контроверзы современного гуманитарного знания» (Самара, 2001); на V Всероссийской конференции РПО «Психология и ее приложения» (Москва, 2002); на всероссийской конференции «Фундаментальные проблемы психологии. Личность в исторической психологии» (Санкт-Петербург, 2002); на научной конференции «Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления (к 70-летию со дня рождения)» (Москва, 2003); на III съезде российского психологического общества «Психология и культура» (Санкт-Петербург, 2003); на международной конференции «Психология общения: социокультурный анализ» (Ростов-на-Дону, 2003); на научных конференциях «Психея – Форум» (Самара, 2004, 2005, 2006); на международной конференции «Модернизм в психологии» (Новосибирск, 2004); на IV всероссийской конференции по исторической психологии российского сознания «Ментальность российской провинции в настоящем и будущем» (Самара, 2004); на первой и второй международных конференциях по когнитивной науке (Казань, 2004; Санкт-Петербург, 2006).

Структура работы.

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы, приложений. Диссертация изложена на 378 страницах, из них 342 страницы основного текста. Основной текст содержит 7 рисунков, 3 диаграммы, 37 таблиц. Список литературы содержит 485 наименований, из них 163 – на иностранных языках.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** раскрыты актуальность темы, научная новизна, теоретическая и практическая значимость исследования; отражены методологические и теоретические основания, цель, объект, предмет, гипотезы, методы и экспериментальные парадигмы исследования; описаны основные положения, выносимые на защиту и апробация работы.

В **главе 1 «Методологические аспекты изучения сознания»** представлен тезаурус диссертационной работы, освещены проблема законосообразных объяснений эффектов когнитивной деятельности сознания и феномен осознания в качестве центральной теоретической «аномалии» психологии сознания, рассмотрены также методологические принципы, на которые должно опираться исследование сознания.

В отличие от традиционной трактовки сознания как осознания, термином «осознание» в работе обозначается интегральный психический продукт активности сознания, в частности, продукт познавательной деятельности. Осознание не является синонимом сознания, а есть результат его работы. Понятие «осознание» является эмпирическим, но в отличие от других эмпирических понятий, используемых в психологии, не является частным. Это родовое понятие, обозначающее широкий спектр эмпирических феноменов, относящихся к разным сферам психического опыта, например, к сенсорной, перцептивной, мыслительной сферам или к сферам представления и моторной активности человека. Общее, что объединяет разнообразные осознаваемые переживания, заключается в инвариантном процессе их порождения: любой эффект осознания есть следствие неосознаваемой деятельности сознания. Сама эта деятельность осуществляется сознанием посредством функциональных механизмов, одним из которых является механизм принятия решения об осознании. Механизм принятия решения играет важнейшую роль в функциональной структуре сознания. Именно работа этого механизма подготавливает как эффекты осознания, так и неосознания воспринимаемой информации.

Термин «сознание» использован в работе как теоретический конструкт, которым обозначается функциональная структура, вследствие деятельности которой возникают осознанные переживания. «Сознание» является теоретическим понятием, которое, в отличие от «осознания», не может ассоциироваться с каким-либо эмпирическим опытом.

Основные понятия, использованные в работе, приведены в таблице 1.

Любая научная дисциплина имеет свои «теоретические аномалии». Не исключение в этом плане и психология сознания. Одной из таких «аномалий» является проблема возникновения сознания. В интеллектуальной истории неоднократно предпринимались попытки найти ответ на вопрос о происхождении сознания. Возникновение сознания объясняли исходя из биологической целесообразности, которая диктуется требованиями

Таблица 1

Соотношение основных понятий, используемых в работе

Сознание			
Механизмы сознания		Содержание сознания	
<i>Механизмы обнаружения, сличения, принятия решения об осознании, рефлексивный механизм</i>		<i>Осознаваемая информация Осознаваемая иррелевантная информация Неосознаваемая информация</i>	
Бессознательное			
Мнемическая зона		Содержание памяти	
<i>Первая мнемическая зона</i>		<i>Ранее осознанная информация</i>	
<i>Вторая мнемическая зона</i>			
<i>Третья мнемическая зона</i>		<i>Ранее осознанная информация</i>	<i>Ранее не осознанная информация</i>

приспособления к изменению среды. При этом происхождение сознания расценивалось как следствие биологической слабости, так как роль приспособления к изменению условий существования, согласно данной позиции, принадлежит инстинктивным механизмам (У. Джемс, Э. Фромм). Неэффективность работы последних и послужила причиной порождения сознательных форм активности. Сторонники другого подхода усматривали детерминанты происхождения сознания в недрах социальной коммуникации: сознание производно от совместной, общественно обусловленной производительной деятельности (А.Н. Леонтьев).

Анализ проблемы происхождения сознания показывает, что первичные основания возникновения сознания (как в антропогенезе, так и в онтогенезе) не могут являться предметом эмпирического исследования. Построение теории когнитивной деятельности сознания должно начинаться с признания того факта, что сознание есть уже существующий феномен. Поэтому необходимо постулировать действие первопричин, не обсуждая их собственный генезис.

Другой, наиболее масштабной проблемой психологии сознания является проблема субъективного опыта, или, иначе, субъективной очевидности эффектов осознания. Как и почему возникают осознаваемые переживания? Чем объясняется феномен осознания? Для того чтобы ответить на эти вопросы, необходим поиск нового подхода, который помог бы устранить существующий «объяснительный пробел» (Chalmers, 1996, 1997).

Феномен осознания, как и сама когнитивная деятельность сознания должны объясняться действием законов. Открытие законов в психологии является не только принципиально возможным, но и должно расцениваться как обязательное условие роста психологического знания, важнейший показатель развития психологии как опытной науки. Эмпирические факты лишь в том случае могут иметь статус научных фактов, если они получают свое объяснение, которое, в свою очередь, требует специальной опытной проверки. Закон в этой связи следует расценивать в качестве инструмента объяснения. Не

законы следует объяснять, так как законы открываются, а не придумываются, а нужно объяснять эмпирику действием законов. Понять, почему факт необходимым образом обнаруживает себя, можно только при наличии законосообразных объяснений эмпирических эффектов. На уровне разрозненных эмпирических проявлений нет никаких законов. Этим объясняется вся сложность выявления законных оснований феноменов, изучаемых гуманитарными науками.

Законы в психологии не могут быть установлены по отношению к реальным объектам изучения, а лишь в отношении к идеализированным объектам. Идеализированный объект существует только в рамках теории, поэтому логические конструкции, гипотезы, законы – все то, что составляет онтологию теоретического знания, приложимы только по отношению к нему. Рассмотрение, например, памяти в качестве идеального объекта предполагает, что функционирование памяти подчиняется действию вполне определенных законов. Описание логики работы идеализированных объектов очищено от допущений о случайном вмешательстве побочных влияний, которые не устранимы в эмпирических условиях. Законы, фиксируя идентичное в явлениях, позволяют увидеть явление в рафинированном виде, то есть в виде, «заведомо невозможном в действительности» (Аллахвердов, 2000).

Психологические законы имеют разный вес и могут относиться к разным сторонам психического (Ломов, 1984). Классифицировать законы можно по разным основаниям:

- по способу вывода (установления): дедуктивные и индуктивные законы.

Дедуктивные законы лучше позволяют предсказывать новые факты. Индуктивные законы представляют собой эмпирические обобщения. Они позволяют «собрать» опытные данные под единый образец объяснения. Большинство законов в психологии носят индуктивный характер (закон Йеркса–Додсона, закон Хика, закон Ланге, закон разрыва шаблона (в редакции В.М. Аллахвердова), закон «хорошей формы» и т.д.).

- по степени формализации: формализованные («жесткие») и качественные («мягкие») законы.

Формализованные законы выражаются математическим языком, качественные, напротив, не предусматривают использование математического аппарата.

- по диапазону объяснительных возможностей: частные и общие законы.

Частные законы охватывают в объяснении только определенную область эмпирики. Например, все известные психофизические законы являются частными, поскольку относятся к сенсорной сфере, точнее, к одному из свойств ощущения – интенсивности (Забродин, Лебедев, 1977). Общие законы регулируют деятельность сознания безотносительно к специфике формы активности сознания. Доказательство закона в психологии возможно как на основании статистической частоты одинаковых (частный закон) или подобных

(общий закон) эмпирических фактов, так и на основании результатов одного-единственного эксперимента (Левин, 2001)

Когнитивная психология сознания – естественнонаучная область исследований. Любая естественная наука имеет свои законы. Очевидно, что психическая деятельность, функционирование сознания также осуществляются в силу определенных законов, действующих в психической сфере, ведь психическая реальность, в том числе осознаваемые переживания, как часть этой реальности, является порождением природы.

Однако сознание в психологии изучают не только с естественнонаучных позиций, поскольку сама психология является гетерогенной наукой. И в этой связи, важным методологическим вопросом является определение критериев научности, которым должно отвечать исследование сознания.

В истории методологии науки неоднократно предпринимались попытки установления критериев для различения научного знания от ненаучного. В качестве таких критериев предлагались: принцип непротиворечивости, принцип редукции теоретических положений к экспериментальным фактам или фактам наблюдения, принцип верификации, принцип элиминации субъекта познания из продуктов научного творчества, принцип эквививальности, принцип фальсификации (принцип Поппера), принцип конвенциональности (принцип Куна), принцип практической полезности, эстетический принцип, принцип терминологической релевантности, принцип независимой проверяемости, принцип простоты (принцип Оккама) и т.д.

До сих пор в методологии науки не выработаны универсальные критерии демаркации научного и ненаучного знания. Невозможность установления общепринятых критериев научности привело к тому, что во второй половине XX века «методологический анархизм» в лице П. Фейрабенда саму проблему демаркации объявляет фиктивной. Однако принятие такой позиции лишает смысла сам процесс научного поиска. Возможно, что универсальных принципов научности знания не существует. Но это не означает, что такие принципы не могут существовать и не должны обсуждаться для определенных типов научно-исследовательской деятельности. Методологические принципы должны устанавливаться не для научной дисциплины, а для самого исследования конкретного феномена. Отсюда следует, что одно и то же явление может изучаться с опорой на разные методологические принципы. Принципы научности определяются при выборе жанра исследования конкретных феноменов. В случае принятия этой позиции становится неуместным разговор о том, какой наукой является психология: гуманитарной или естественной, эмпирической или практической.

В главе 2 «Осознание в контексте изучения сознания в психологии» проанализирована проблема осознания в русле как исторически сложившихся в психологии, так и современных подходов к изучению сознания.

Понять сознание стремились во все периоды идеогенеза, и неслучайно в ряду самых значительных по своей сложности научных проблем этот феномен

занимает особое место. Сознание называют «центральной тайной человеческой психики» (Леонтьев, 1975), «самой сложной проблемой современной науки» (Райков, 2000), «главной загадкой психологии» (Аллахвердов, 2000), «величайшей ценностью, данной человеку» (Акопов, 2002). С момента обретения психологией самостоятельного научного статуса сознание стало привлекать к себе внимание исследователей разных школ и направлений. «Величие этой тайны подчеркивают попытки ее раскрыть», однако полученные результаты «скорее наводят ужас, чем обнадеживают» (Аллахвердов, 2000).

При всем многообразии существующих подходов, можно выделить определенные тенденции в развитии психологии сознания как относительно самостоятельной сферы психологических исследований. Во-первых, исследования сознания проводятся в русле гуманитарного подхода. В этом случае предметом анализа является происхождение сознания (в антропогенезе или онтогенезе), а также содержание осознаваемого опыта субъекта. Во-вторых, изучение сознания может опираться на естественнонаучную методологию. Экспериментальные исследования сознания всегда ориентированы на изучение эффектов, результатов деятельности сознания. Анализ результатов деятельности, в свою очередь, направлен на теоретическую реконструкцию логики неосознаваемой работы сознания. В-третьих, сознание может являться предметом изучения и в эмпирических науках. В этом случае научная задача, стоящая перед исследователем, заключается в описании структурной организации сознания и классификации явлений сознания.

На другом основании выделяют унитарный и междисциплинарный подходы к решению проблемы сознания (Акопов, 2002). Междисциплинарный подход реализован в когнитивной науке, которая объединяет разные научные дисциплины, начиная с нейробиологии и заканчивая философией сознания.

Сама проблема «непосредственного опыта» первоначально возникла в философии. В интеллектуальной истории еще задолго до институализации научной психологии неоднократно высказывались идеи относительно происхождения осознаваемых переживаний. Многие мыслители, хотя и не всегда явно, указывали на зависимость эффектов осознания от содержания бессознательной психики. В разных вариациях идею бессознательного можно обнаружить у Плотина, христианских мистиков, в философии Ф. Шеллинга, учениях И. Канта и А. Шопенгауэра. Г.В. Лейбниц предложил дифференцировать два вида чувственного познания: перцепцию как неосознаваемое восприятие и апперцепцию как восприятие осознаваемое, и впервые высказал идею о влиянии бессознательного опыта на эффекты осознания. Однако в полной мере проблема субъективной очевидности осознаваемых переживаний стала привлекать интерес исследователей в XIX веке. В этот период не только зарождается психология как наука, но и ведутся активные поиски неосознаваемых оснований осознаваемого опыта.

Наибольший научный вклад в развитие идеи о неосознаваемой детерминации деятельности сознания в девятнадцатом столетии внесли такие

исследователи, как И.Ф. Гербарт, Г. Гельмгольц, Ф. Дондерс, Г. Эббингауз, Г.Т. Фехнер.

В концепции психодинамического взаимодействия представлений И.Ф. Гербарта нашли отражение основные принципы ассоциативной психологии, положение о динамике элементов психического опыта, а также идея «порога сознания». Гербарт выделял три области знания: апперцепцию как осознаваемый, а, следовательно, ясный и отчетливый опыт; перцепцию – область смутного знания; бессознательное (Гербарт, 1895). Поскольку сфера осознания ограничена, то не все представления, а лишь наиболее энергетически заряженные способны преодолеть порог сознания. Кроме того, психодинамика внутренней жизни, взаимодействие элементов психического опыта, соединение или конфликтное противостояние этих элементов не осознаются, но именно эта неосознаваемая борьба представлений определяет нахождение в осознаваемом опыте тех или иных переживаний.

Основатель психофизики Г.Т. Фехнер искал детерминанты сознательной активности не в физиологии организма, не в психике познающего субъекта, не в социальном окружении, а в физической реальности действительного мира. Вместе с тем, в психофизических исследованиях было установлено, что осознанное переживание сенсорного воздействия может напрямую зависеть от ранее испытанного в эксперименте опыта. При последовательных предъявлениях испытуемый часто обнаруживает тенденцию дольше осознавать стимульное воздействие, если до этого он осознавал его, и дольше не осознавать, если до этого осознанно не различал действие раздражителя. И поэтому, факты неосознавания действия стимула или различия между стимулом и эталоном, в ряде случаев, можно рассматривать как эффекты влияния ранее не осознанного опыта обнаружения или различения. Следовательно, границы пороговой зоны определяются принятой сознанием гипотезой об отсутствии различий в характере стимуляции.

Наиболее ценным в плане психологического наследия Г. Гельмгольца явилась концепция «бессознательных умозаключений». Основное положение концепции состоит в том, что акты восприятия заканчиваются «выводом» касательно тех объектов, которые видит субъект. «Бессознательное умозаключение» симультанно. Однако сам симультантный эффект осознания подготовлен неосознаваемым процессом (Гельмгольц, 1880). Иначе говоря, сам процесс деятельности сознания, каким является перцептогенез, не осознается. Осознанию подлежит результат этой деятельности, «вывод», основанный на прошлом опыте, что и делает возможным осмысленное восприятие действительности. Неосознаваемый процесс, в ходе которого проверяются ранее созданные гипотезы, осуществляется посредством моторики. Движения непосредственным образом участвуют в порождении осознаваемого вывода о воспринимаемых объектах.

Становлению психологии как экспериментальной науки в значительной степени способствовали работы Ф. Дондерса. Психомоторику роднило с

другими направлениями, во-первых, признание психики самостоятельной реальностью, не сводимой к плану физиологии и, во-вторых, поиск объективных методов изучения этой реальности. Согласно Дондерсу, моторное действие в ответ на раздражитель – это не физиологическая, а психическая реакция, и время такой реакции может расцениваться как надежный индикатор тех неосознаваемых процессов, которые предшествуют реализации действия.

Благодаря усилиям Г. Эббингауза возникает новое направление исследований – экспериментальная психология памяти. Проведенные Эббингаузом эксперименты позволили впервые выявить закономерности в функционировании памяти. Например, оказалось, что число предъявлений стимульного набора возрастает существенно быстрее по сравнению с увеличением объема запоминаемого материала. Вместе с тем при невозможности воспроизведения ранее запомненных стимулов, эти стимулы испытуемым повторно заучиваются значительно быстрее по сравнению с аналогичными. Следовательно, искомый стимульный материал знаком испытуемому, хотя он и не в состоянии его воспроизвести и даже узнать, то есть, осознать.

В. Вундт во второй половине XIX века разрабатывает программу построения психологии как естественнонаучной дисциплины, и предметом этой «новой науки», по замыслу Вундта, должно являться сознание. Так как психология является опытной наукой, сознание можно изучать только экспериментальным методом. Структурный подход к исследованию сознания был ориентирован на описание элементарного состава непосредственного опыта. Но интроспекция как психологический метод оказалась непригодной для решения этой задачи. Построить теорию сознания с опорой на данные интроспективных экспериментов в качестве эмпирического базиса не удалось. Идеи структурной школы психологии после Э. Титченера не получили своего развития. К началу XX века становится все более ясно, что детерминанты осознаваемых переживаний следует искать в сфере неосознаваемого опыта. Такая задача в рамках структурного подхода не ставилась.

Для представителей функционализма (У. Джемс, Д. Дьюи, Д.Р. Энджелл, Г.А. Кэпп, К. Штумпф) основной категорией, через призму которой описывался феномен сознания, стало понятие «функция». Выбор функции как единицы анализа был продиктован стремлением понять адаптационные способности сознания. Сознание, согласно лидеру функциональной психологии У. Джемсу, есть не что иное, как единый, не разложимый на составляющие компоненты поток. Содержание сознания непрерывно изменяется. Но при этом не все содержание сознания осознается. Неосознаваемые «добавки» к осознаваемому содержанию сознания Джемс называет «психическими обертонами». Это неосознаваемое содержание влияет на эффекты осознания, хотя само влияние также является неосознаваемым.

Заслугой функциональной психологии можно признать убедительное доказательство того, что содержание сознания неособимо от актов сознания,

вследствие реализации которых это содержание явлено в осознании. Не сам очевидный факт наличия у сознания содержания отрицался функционалистами, а подвергалась справедливой критике возможность нахождения материала сознания в своем онтологическом качестве, то есть без учета зависимости характера осознаваемого содержания от реализуемых функций, делающих возможным такое нахождение. Однако принятие акта сознания за единицу анализа сделало фактически невозможным создание научной теории, реконструирующей логику реальной работы структурно-функциональной организации сознания, так как понимание того, каким образом реализуется функция, предполагает знание об устройстве психической структуры, функцией которой и является акт сознания.

Если функционализм соперничал со структурной школой психологии в определении наиболее значимого аспекта изучения сознания, то появление на психологической арене бихевиоризма означало кардинальную смену самого предмета психологии. В бихевиоризме, где поведение являлось единственным предметом изучения, сознание и продукты его деятельности оказались за пределами предметной области исследований. Единицей психологического анализа, согласно бихевиористам, является реакция, возникающая в ответ на действие внешнего стимула (Watson, 1913). Если теория бихевиоризма и имеет определенное прикладное значение, то при решении задачи описания логики функционирования сознания и тем более объяснения феномена осознания в познавательной деятельности она лишена эвристической ценности.

Одной из школ, сложившихся в начале XX века, стала Вюрцбургская школа психологии (О. Кюльпе, А. Майер, И. Орт, К. Марбе, К. Бюлер, Г. Уатт, Н. Ах, А. Мессер, О. Зельц). Хотя интроспекция не отвергалась вюрцбургцами, но, наряду с «методом систематического экспериментального самонаблюдения» (Н. Ах), исследователи стали использовать экспериментальные задачи. Метод экспериментальных задач предполагал решение головоломки, поиск выхода из проблемной ситуации. Исследователи Вюрцбургской школы акцентировали роль особых состояний сознания, для обозначения которых предлагались разные термины: «психологическая установка» (Г. Уатт), «детерминирующая тенденция» (Н. Ах), «антиципирующая схема» (О. Зельц). Эти состояния хотя и не осознаются в самом процессе сознательной деятельности, но между тем определяют направление и результат решения когнитивных задач. Н. Ах, экспериментально подтвердил эффект зависимости результатов мыслительного процесса от исходной настройки сознания испытуемого. «Детерминирующая тенденция» возникает как эффект неосознаваемого влияния ранее осознанного способа понимания задачи. В ходе решения эта тенденция направляет сознательный поиск, но при этом не обнаруживает себя в осознании.

Результаты исследований в Вюрцбургской школе значительно обогатили знания о работе сознания. В описание структуры сознательной деятельности были включены новые компоненты: установка, возникающая при осознании

задачи; сама задача, которая направляет процесс поиска решения; внесенсорные компоненты в составе сознания. Стало понятно: ассоциация – не единственный принцип работы сознания. Эффекты осознания (а также и неосознавания) могут быть детерминированы неосознаваемыми психическими образованиями.

Работы ученых Вюрцбургской школы оказали существенное влияние на гештальт-психологов (М. Вертгеймер, В. Келер, К. Коффка). Гештальтистами были описаны закономерности объединения элементов в целостные структуры («законы гештальта») и показано, что осознанию подлежит не действие факторов, влияющих на восприятие целостного объекта, а целостный образ объекта. В свою очередь все, что человек воспринимает (осознает), он воспринимает (осознает) как фигуру на фоне. Хотя гештальтисты признавали роль фона при построении образа фигуры – «фигура как таковая вообще невозможна без фона», «фигура и фон образуют вместе единую структуру», «качество фигуры должно в очень большой степени определяться тем уровнем, на котором она выступает» (Коффка, 1999) – все же их исследовательский интерес главным образом был сосредоточен на двух видах зависимостей: влияние целого на восприятие частей и влияние характера группировки частей на восприятие целого. Но если фон обнаруживается сознанием, то, очевидно, он должен влиять на характер осознания фигуры. И хотя осознается только фигура, сам характер осознания (то, как фигура осознается) зависит от актуального фона, который элиминирован из эффекта осознания. В гештальтпсихологии было также продемонстрировано, что на осознание оказывает огромное влияние прошлый опыт осознания: то, что ранее было осознано, имеет тенденцию осознаваться и впоследствии (закон Рубина). Вместе с тем справедлива и иная трактовка этого закона: то, что ранее было не осознано, имеет тенденцию не осознаваться в будущем.

Психоанализ в лице З. Фрейда предложил принципиально новый взгляд на устройство психической организации, реанимируя, но при этом придавая новое звучание идеям Лейбница и Гербарта. В основе подхода, разработанного Фрейдом, лежала «идея об исцеляющей силе осознания» (Василюк, 2003). За эффекты активности сознания, согласно Фрейдю, отвечает «бессознательное». Чтобы объяснить осознаваемые явления, необходимо выявить его причинные, то есть бессознательные основания. З. Фрейд впервые проявил научный интерес к фактам, которые до него не заслуживали внимания, а именно, к случаям оговорок, очиток, описок, неверного словоупотребления, забывания намерений, ошибочных движений и т.п. По убеждению Фрейда, в психике не происходит случайных событий, поэтому неосознавание не случайно. В силу этого факты неузнавания или невоспроизведения – не есть свидетельство отсутствия информации в памяти; это следствие работы специального психического механизма, который блокирует доступ в осознание информации, хранящейся в памяти. Неосознавание или искажение воспроизводимой информации имеет определенную причину, и цель психоанализа – выявить эту

причину. Осознание причины, по мысли Фрейда, устраняет само забывание. Поэтому так называемое забывание является эффектом принятого решения – не осознавать ту информацию, которую не следует осознавать. Специальное психическое устройство, функция которого – принимать решение о допуске в сознание бессознательного содержания, было названо Фрейдом механизмом цензуры, а устройство, ответственное за перевод информации из области осознаваемого опыта в бессознательную сферу, – механизмом вытеснения. Фрейд показал, что все вербальные и моторные эффекты, поступки и продукты деятельности человека могут объясняться влиянием прошлого, в наличный момент времени потенциально неосознаваемого, опыта.

В середине XX века в психологии складывается ситуация, приведшая к появлению мощных психологических течений. Одно из таких течений – «гуманистическая психология» (А. Маслоу, К. Роджерс, Р. Мэй, В. Франкл и др.). Основные принципы, разделяемые гуманистами: свободный выбор личности, ответственность за принятые решения, осознание себя, своих возможностей и жизненных целей. В трудах психологов-гуманистов ключевыми идеями в плане понимания роли осознания в жизни человека стало:

- осознание служит цели обнаружения подлинного Я человека;
- осознание способствует самоактуализации – развитию личности в соответствии с ее потенциальными возможностями;
- осознание приводит к лучшему пониманию себя, разрешению личных проблем, избавлению от психологических травм, открывая новые жизненные горизонты.

Представители этого направления внесли свой весомый вклад в понимание роли осознания не только как важнейшего психического механизма, но и как способа раскрытия духовных возможностей личности. Проблемы, которые впервые поставили гуманисты, по сей день актуальны для психологии, поскольку, несмотря на все изменения, связанные с «духом времени», они затрагивают глубинные основания человеческого существования.

Другим мощным течением в научной психологии второй половины XX века явилась «когнитивная психология». Когнитивисты обнаружили множество экспериментальных фактов, демонстрирующих неосознаваемую когнитивную деятельность сознания. Анализ этих фактов давал возможность строить предположения о том, как обрабатывается информация, какова последовательность стадий в процессе обработки информации и какие факторы оказывают влияние на работу когнитивного аппарата на той или иной стадии. В результате многочисленных экспериментальных исследований базовый постулат когнитивистов об ограниченности возможностей сознания в плане переработки информации был фальсифицирован. Эксперименты показали, что сознание способно обрабатывать информацию вне осознаваемого контроля вплоть до уровня семантики. В свою очередь, ранее не осознанная информация обуславливает эффекты осознания в ходе последующей познавательной деятельности (Величковский, 1982; Marcel, 1983; Аллахвердов, 1993, 2000).

Следовательно, в актуальный момент времени не осознается не только работа сознания, но и часть содержания сознания. Вместе с тем, исследования мнемической деятельности обнаружили, что память хранит гораздо больше информации, чем человек способен узнать или вспомнить. Другими словами, сознание осознает лишь часть информации, которую воспринимает, а память хранит несравненно больше информации по сравнению с объемом ее узнавания или воспроизведения.

В настоящее время все чаще в работах по когнитивной психологии можно встретить термины «бессознательное познание», «имплицитное научение», «когнитивное бессознательное», «неосознаваемое» (Kihlstrom, 1987). Вопрос состоит уже не в том, есть ли бессознательные процессы или их нет. Интерес современных когнитивных психологов направлен на определение того, какую функцию они выполняют и насколько они «умны» в сравнении с процессом осознания. Способность к неосознаваемому приобретению процедур и структур знания, равно как и неосознаваемую способность к осознанию, все чаще рассматривают как важнейшие свойства когнитивной системы (Пинкер, 2004; Bizot, 1988; Reber, Allen, Regan, 1985) и даже как «основное метатеоретическое допущение всей когнитивной психологии» (Lewicki, Hill, 1989).

В класс неосознаваемых явлений сознания необходимо включать механизмы работы сознания. Указание на то, что сам носитель сознания не способен осознанно судить о том, как эти механизмы функционируют, не может свидетельствовать об их отсутствии. К неосознаваемым явлениям относится также неосознаваемое содержание сознания. Когнитивная психология, признавая экспериментальные факты, а не отвлеченные рассуждения, сыграла решающую роль в понимании того, что все содержание сознания в рамках текущего настоящего нельзя отождествлять с осознаваемым содержанием.

Сознание в отечественной психологии изучается с разных теоретических и методологических позиций: в русле деятельностного подхода (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.П. Зинченко), культурно - исторической психологии (Л.С. Выготский), системного подхода (В.А. Ганзен), «психологики» сознания (В.М. Аллахвердов) и др. Особый интерес представляют исследования В.В. Знакова, посвященные феномену понимания. Поскольку понимание имманентно присуще всем формам сознательной активности, поэтому описание логики функционирования психических механизмов понимания – это и есть, по существу, объяснение того, как работает аппарат сознания. В работах В.В. Знакова, понимание рассматривается не только в контексте познавательной активности субъекта, но и в процессе социального взаимодействия, в ситуациях общения и совместной деятельности (Знаков, 2002, 2005).

Хотя исследования сознания в отечественной психологии несколько отличаются спецификой решаемых проблем по сравнению с западноевропейской наукой, но, в целом, для современного этапа развития

психологии характерно стремление понять не только происхождение и структуру сознания, но, прежде всего, объяснить принципы, лежащие в основе его функционирования. Это означает, что модель сознания нового образца должна будет включать в себя представление о функциональных механизмах, работа которых обеспечивает «внутреннюю» психомеханику сознания.

В главе 3 «Виды неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании» предложено описание основных видов детерминирующих влияний на работу механизма принятия решения об осознании / неосознавании.

Классификация, лежащая в основе данного описания, имеет несколько оснований.

1. Временная отнесенность фактора, детерминирующего принятие решения об осознании. На этом основании выделены следующие виды влияния:

- влияние прошлого опыта на осознание;
- влияние актуальной иррелевантной информации на осознание.

2. Осознанность информации, влияющей на принятие решения об осознании. Данное основание предполагает такую дифференциацию:

- влияние на осознание ранее осознанной информации;
- влияние на осознание ранее не осознанной информации.

Другим основанием, на котором строится классификация, является:

3. Нерелевантность актуальной информации, влияющей на осознание.

Этим критерием разграничения предусматривается описание двух видов детерминирующих влияний:

- влияние на осознание воспринятой, но неосознаваемой иррелевантной информации;
- влияние на осознание осознаваемой (частично осознаваемой) иррелевантной информации.

Поскольку неосознавание трактуется в работе как результат специально принятого сознанием решения о неосознавании, еще одним основанием для разведения видов влияния является:

4. Осознание / неосознавание как результат принятого сознанием решения.

В данном случае предметом анализа выступают такие виды влияния:

- влияние на принятие решения об осознании;
- влияние на принятие решения о неосознавании.

Построенная иерархическая структура описания включает в себя 6 основных видов неосознаваемого влияния на принятие решения об осознании / неосознавании и дает возможность описать с единой позиции разрозненные эмпирические эффекты (эффект Биренбаум, эффект Марсела, эффект фон Ресторф, прайминг-эффекты, эффект константности восприятия, эффект фантомных конечностей, эффект плацебо, эффекты последствия, эффект превосходства слова, эффекты интерференции, эффекты действия установки и др.)

В главе 4 «Экспериментальное изучение факторов, влияющих на

эффекты осознания при решении когнитивных задач» описан комплекс экспериментальных исследований, направленных на выявление различных факторов, оказывающих воздействие на результаты когнитивной деятельности сознания – эффекты осознания и неосознавания.

Экспериментальная серия состояла из семи исследований. В общей сложности в экспериментах приняли участие 830 испытуемых.

В исследовании прайминг-эффекта при восприятии многозначных изображений сравнивалась степень влияния ранее осознанных и ранее не осознанных прайм-стимулов на осознание одного из изображений двойственной фигуры. Исследование включало в себя два эксперимента.

В Эксперименте 1 проверялась зависимость эффектов осознания двойственной фигуры («ваза-лица») от семантики не осознанных вербальных стимулов. Испытуемым первой экспериментальной группы (45 чел.) на экране монитора предъявлялась последовательность из трех слов, семантически связанных с понятием «ваза»: «розы», «букет», цветы». Стимулы предъявлялись на 25 мсек. с последующей зрительной маскировкой. Испытуемым второй экспериментальной группы (45 чел.) в тех же процедурных условиях предъявлялась слова, имеющие смысловую связь с понятием «лицо»: «глаза», «портрет», «взгляд». Испытуемым контрольной группы (23 чел.) экспонировались нейтральные слова: «стул», «ветер», радио». Время межстимульного интервала – 400 мсек. Вторая часть процедуры эксперимента состояла в том, что испытуемым всех трех групп на 3 сек. предъявляли реверсивную фигуру «ваза-лица». Задача испытуемого – сообщить вслух, что он видит. Результаты обнаружили выраженную зависимость эффектов осознания одного из изображений двойственной фигуры от семантики ранее не осознанных прайм-стимулов (см. таблицу 2).

Таблица 2

Соотношение событий восприятия изображений «ваза» и «лица» при действии не осознанных прайм-стимулов

Зрительное решение	Первая экспериментальная группа		Вторая экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Количество решений	% от общего количества	Количество решений	% от общего количества	Количество решений	% от общего количества
«ВАЗА»	37	82	15	33	14	61
«ЛИЦА»	8	18	30	67	9	39

Эмпирическое значение Φ^* при сопоставлении первой экспериментальной и контрольной групп равно 1,87 ($p \leq 0,05$). Эмпирическое значение Φ^* при сопоставлении второй экспериментальной и контрольной групп – 2,18 ($p \leq$

0,01).

В Эксперименте 2 процедура была аналогичной, за исключением того, что перед экспозицией двойственной фигуры те же слова предъявлялись на 1 сек., то есть время, достаточное для их осознания. В экспериментальных группах участвовало по 25 человек, в контрольной – 17 человек. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3

*Соотношение событий восприятия изображений «ваза» и «лица»
при действии осознанных прайм-стимулов*

Зрительное решение	Первая экспериментальная группа		Вторая экспериментальная группа		Контрольная группа	
	Количество решений	% от общего количества	Количество решений	% от общего количества	Количество решений	% от общего количества
«ВАЗА»	23	92	4	16	11	65
«ЛИЦА»	2	8	21	84	6	35

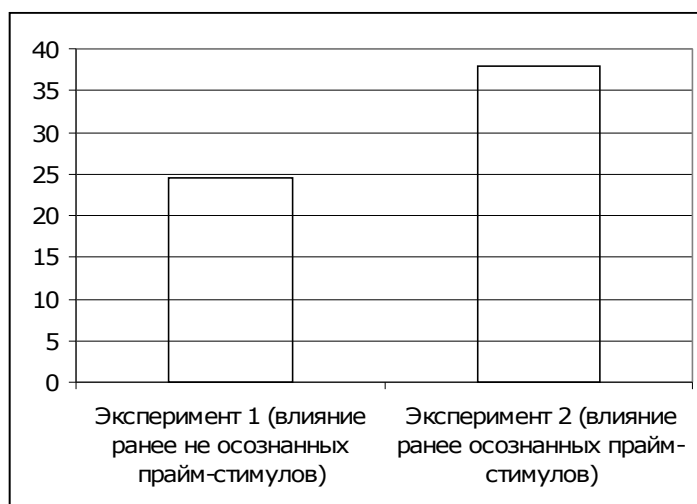
Анализ достоверности различий показал, что, эмпирическое значение ϕ^* при сопоставлении первой экспериментальной и контрольной групп равно 3,8 ($p < 0,01$), в то время как эмпирическое значение ϕ^* при сопоставлении второй экспериментальной и контрольной групп составило 2,2 ($p < 0,05$).

Для проверки гипотезы исследования сравнивались чистые прайминг-эффекты, обнаруженные в Эксперименте 1 и Эксперименте 2. Для этого сначала суммировалось значение приращения количества выборов изображения «ваза» в первой экспериментальной группе Эксперимента 1 по отношению к количеству соответствующих выборов в контрольной группе со значением приращения количества выборов изображения «лица» во второй экспериментальной группе Эксперимента 1.

В результате, был установлен чистый прайминг-эффект, связанный с действием не осознанной стимуляции, независимо от ее семантики. Величина чистого прайминг-эффекта, обусловленного воздействием не осознанных стимулов, составила 49 %. Затем рассчитывалось среднее значение, которое составило 24,5 %.

Аналогичным образом рассчитывался чистый прайминг-эффект, вызванный действием ранее осознанных стимулов. Он составил 76 %. Среднее – 38 %.

Оценка достоверности различий производилась между средними чистых прайминг-эффектов, обнаруженных в Эксперименте 1 и Эксперименте 2 (см. рис. 1).

Рис. 1. Результаты исследования прайминг-эффекта

Оценка достоверности различий показала, что эффекты осознания при восприятии многозначной фигуры в большей степени обусловлены ранее осознанной информацией по сравнению с ранее не осознанной ($p < 0,05$). См. таблицу 4.

Таблица 4

Расчет критерия Φ^* при сопоставлении чистых прайминг-эффектов, полученных в Эксперименте 1 и Эксперименте 2

Чистые прайминг-эффекты	Среднее значение чистого прайминг-эффекта, в %	Значение Φ
Влияние ранее не осознанных прайм-стимулов (Эксперимент 1)	24,5	2,12 ($p < 0,05$)
Влияние ранее осознанных прайм-стимулов (Эксперимент 2)	38	

Полученные результаты с уверенностью позволяют утверждать, что осознание на уровне зрительной перцепции в созданных экспериментальных ситуациях явилось следствием неосознанно принятого решения об осознании.

В исследовании зависимости эффектов деятельности сознания от специфики предваряющей информации при выполнении задачи «лексического решения» проверялись следующие гипотезы:

1. Результативность опознания слова при выполнении задачи «лексического решения» будет наибольшей, если предваряющим стимулом будет являться слово.

2. Результативность опознания бессмысленной информации при выполнении задачи «лексического решения» будет наибольшей в случае, если предваряющим стимулом будет являться бессмысленная информация.

В каждой из стимульных ситуаций испытуемым необходимо было воспринять последовательность из 12 стимульных рядов. Каждый ряд, в свою очередь, состоял из двух стимулов – предваряющего и тестового. Время предъявления каждого стимула составило 25 мсек. В отношении тестового стимула испытуемому следовало выполнить задачу «лексического решения», то есть определить, является ли этот стимул словом или нет. После каждого стимула, как предваряющего, так и тестового, использовалась маска: на экране монитора на 2 сек. появлялся однородный фон ярко-красного цвета. Набор тестовых стимулов был инвариантным для всех 3-х групп испытуемых и представлял собой 6 слов (например, «кактус», «молоко» и т.д.), состоящих из 6-ти букв и 6-ти бессмысленных буквосочетаний, также состоящих из 6-ти букв. Слова и бессмысленные буквосочетания менялись в случайной последовательности.

Предваряющий стимул изменялся следующим образом:

а) в стимульной ситуации №1 (контрольное условие) предваряющим стимулом являлся числовой ряд из 6-ти цифр;

б) в стимульной ситуации №2 – бессмысленный набор из 6-ти букв;

в) в стимульной ситуации №3 – слово, состоящее из 6-ти букв. (В этой ситуации предваряющий стимул подбирался по принципу семантической связи с тестовым).

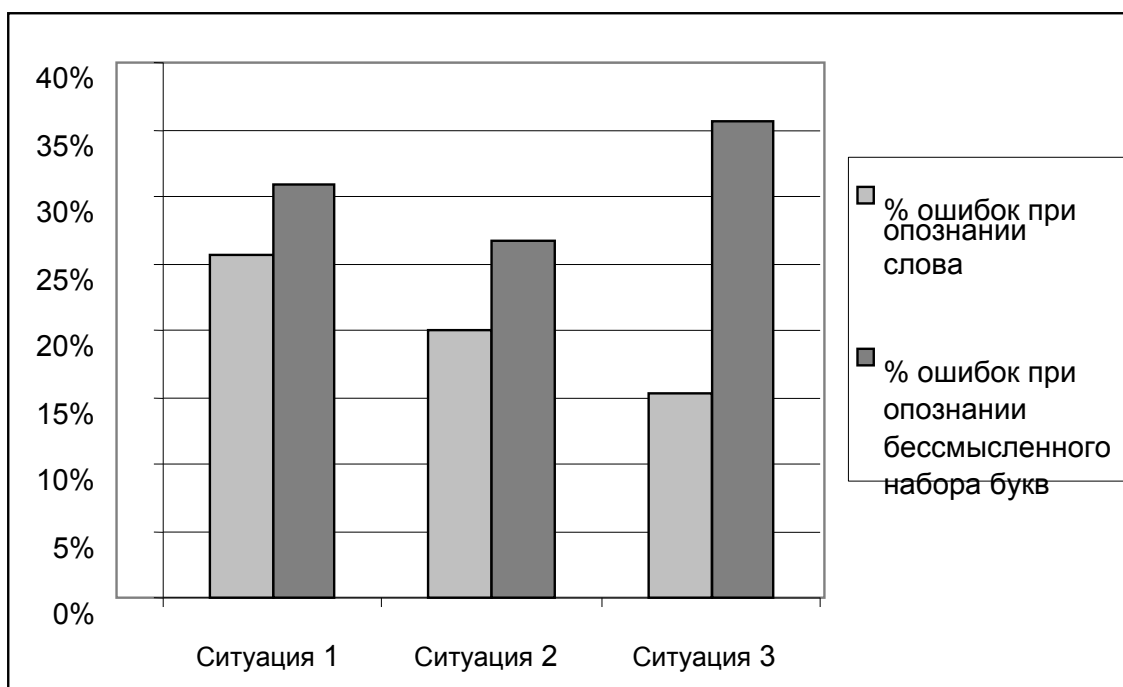
После предъявления на экране монитора каждой пары стимулов испытуемому задавался вопрос: «Что предъявлялось на экране последним: слово или бессмыслица?» Результаты отражены в таблице 5.

Таблица 5

Результаты выполнения задачи «лексического решения» (в %)

Стимульная Ситуация	Эффективность выполнения задачи при опознании слова		Эффективность выполнения задачи при опознании бессмысленного набора букв	
	% правильных ответов	% ошибочных ответов	% правильных ответов	% ошибочных ответов
№ 1	74%	26%	69%	31%
№ 2	80%	20%	73%	27%
№ 3	85%	15%	64%	36%

На рис. 2 наглядно представлены различия в эффективности выполнения задачи опознания для разных стимульных ситуаций.

Рис. 2. *Количество ошибок опознания тестовых стимулов «слово» и «бессмысленный набор букв» в разных стимульных ситуациях*

Для определения статистической значимости различий был использован критерий χ^2 Пирсона. Сравнивались результаты выполнения задачи «лексического решения» при опознании слова и при опознании бессмысленного набора букв отдельно для каждой стимульной ситуации. Также анализировалась достоверность различий в результативности выполнения задачи «лексического решения» между стимульными ситуациями отдельно для групп испытуемых, правильно опознававших слова и правильно опознававших бессмысленный набор букв. Все расчеты проводились в статистическом пакете StatSoft Statistica v. 6.0. Результаты обработки показали, что на результативность выполнения задачи «лексического решения» и, следовательно, на сам факт принятия решения о том, что и как будет осознаваться, существенное влияние оказывает характер предваряющей не осознанной стимуляции. Опознание слова происходит с наибольшей результативностью, если предваряющим не осознанным стимулом служит слово, связанное по смыслу с опознаваемым. Результативность опознания уменьшается в случае, когда первым членом в стимульной паре выступает бессмысленный стимул, и снижается еще больше, если ему предшествует числовой ряд. Опознание бессмысленного набора букв происходит с наибольшей результативностью, если в качестве предваряющего стимула в паре также выступает бессмысленный набор букв. В том случае, когда предваряющим стимулом является слово, опознание бессмысленного набора букв происходит с максимальным количеством ошибок даже по сравнению с той ситуацией, когда предваряющим стимулом в паре является числовой ряд. Эксперимент подтвердил выдвинутые

гипотезы: характер предваряющей стимуляции оказывает значимое влияние на эффективность опознания.

В исследовании деятельности сознания в условиях интерференции проверялось влияние на эффекты осознания иррелевантной информации. Исследование включало в себя два эксперимента.

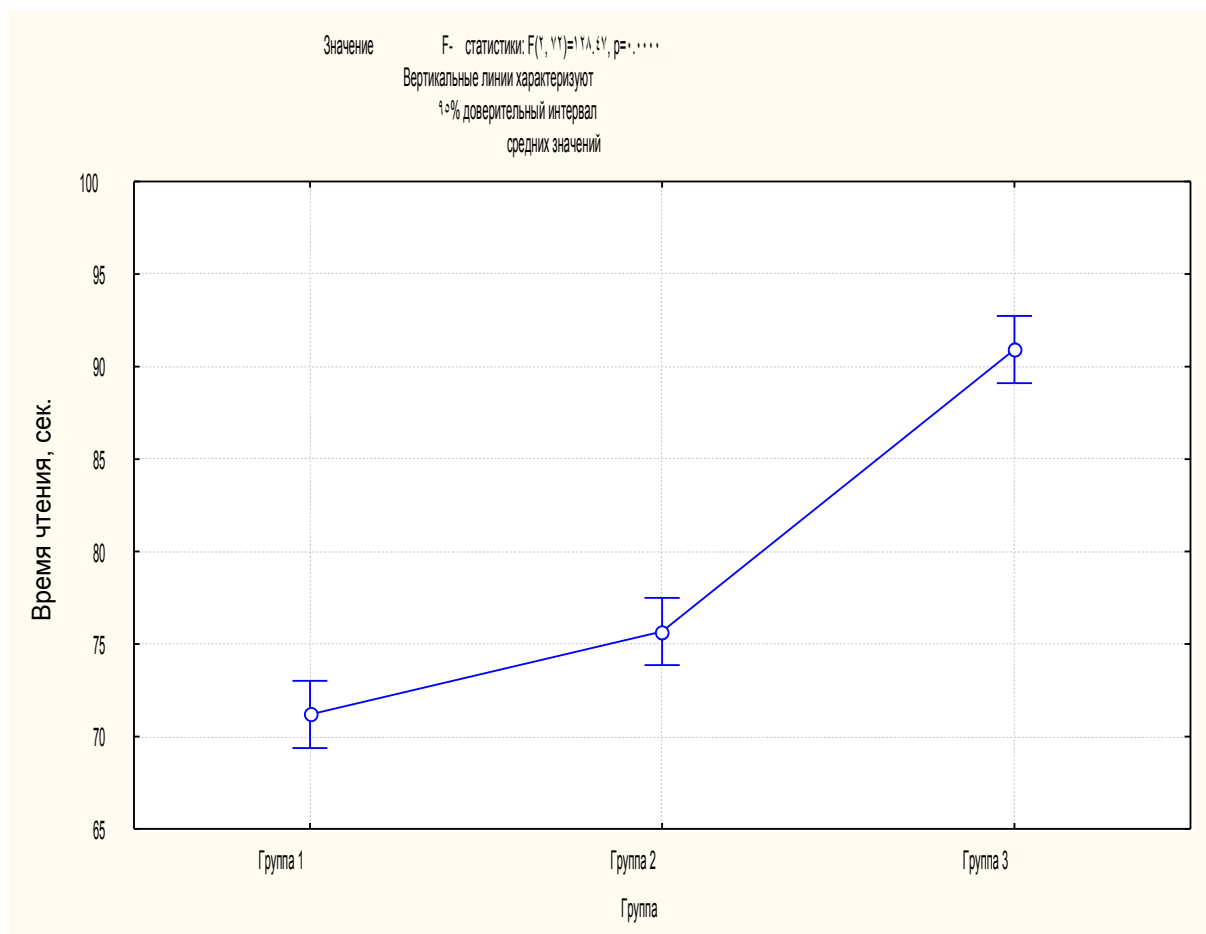
В первом эксперименте испытуемые выполняли восемь заданий разной сложности. В один день выполнялось только одно задание. В первом задании испытуемым требовалось как можно быстрее назвать цвет геометрических фигур. Использовались четыре цвета. Во втором задании необходимо было как можно быстрее прочитать слова-цветообозначения, написанные черным шрифтом. В третьем задании (и во всех последующих) использовалась Струп-карта. Испытуемым нужно было как можно быстрее читать слова, обозначающие один из четырех цветов, не обращая внимание на цвет шрифта. В четвертом задании требовалось называть цвет, в который окрашено слово, не читая само слово. В пятом задании вводилась новая задача игнорирования. Испытуемым нужно было как можно быстрее читать все слова, исключая слово «красный», независимо от цвета, в которое это слово окрашено. В шестом задании – как можно быстрее читать все слова, исключая те, которые окрашены в красный цвет. В седьмом – испытуемые называли цвет каждого слова, не называя цвета тех слов, которые окрашены в красный. В восьмом задании была создана ситуация интерференционного конфликта. Испытуемые должны были называть цвет каждого слова, не называя цвет, в который окрашено слово «красный». Тонкость последнего задания заключалась в том, что для выполнения первой задачи основного задания – называние цвета вербальных стимулов – испытуемый должен постоянно осознавать другой параметр стимуляции – значение слов. Только при этом условии он может не называть цвет слова «красный», ведь, для того, чтобы игнорировать цвет, в который окрашено это слово, испытуемому необходимо читать все слова, что, в свою очередь, оказывает постоянное интерферирующее воздействие на решение задачи называния цвета стимульных слов. При обработке данных использовалась множественная нелинейная регрессия. Результаты показали, что осознание значения стимулов (в процессе чтения или при игнорировании чтения слов) является более сложным заданием и, следовательно, требующем больше когнитивных усилий, в сравнении с осознанием цвета. Полученные результаты позволяют констатировать, что эффект интерференции является следствием вынужденного осознания иррелевантной информации. Чем лучше испытуемому удастся не осознавать действие дистрактора, тем меньше проявляется интерференционный эффект. В том случае, когда осознание иррелевантной информации оказывается неизбежным, интерференционное влияние становится максимальным.

В другом эксперименте данного исследования ставилась цель: обнаружить влияние семантики иррелевантной информации на скорость решения

когнитивной задачи. Во всех группах испытуемых релевантный текст, который по инструкции требовалось прочитать как можно быстрее, был неизменным: научно-популярный текст о законах Вселенной. В качестве иррелевантного (фонового) текста для 1-ой группы был выбран текст на норвежском языке, не знакомом ни одному из испытуемых. Для 2-ой группы – текст на историческую тематику; для 3-ей группы – текст, являющийся продолжением релевантного текста и раскрывающий смысл последнего. Релевантный текст располагался по всем нечетным строкам, начиная с первой (1,3,5,7 и т.д.). Иррелевантный текст помещался, соответственно, по всем четным строкам (2,4,6,8 и т.д.).

Все расчеты проводились в статистическом пакете StatSoft Statistica v. 6.0. Для анализа статистической достоверности различий средних значений времени, затраченного на чтение релевантного текста, был использован дисперсионный анализ. Результат эксперимента подтвердил исходную гипотезу: действительно семантически близкий иррелевантный текст будет больше всего замедлять скорость чтения по сравнению с текстом, не связанным по смыслу с релевантным. В свою очередь, минимальное интерферирующее влияние оказывает текст на незнакомом языке. Результаты эксперименты в графическом виде представлены на рис. 3.

Результаты эксперимента дают основания считать правдоподобной предложенную трактовку эффекта интерференции как результата сознательного контроля, осуществляемого в процессе обработки иррелевантной информации. Если бы такого контроля не было, нельзя было бы обнаружить зависимость результативности решения когнитивной задачи от воздействия актуальной иррелевантной информации. Другое дело, что в данном эксперименте по сравнению с экспериментом, где использовался метод исследования перцептивной интерференции, инструкцией не предполагалось осознание иррелевантной информации. Задача на игнорирование ставилась в эксперименте неявно. Однако и в этих условиях испытуемые неосознанно осуществляли сознательный контроль над выполнением задачи игнорирования – «не обращать внимание на иррелевантный текст». Чем лучше это удавалось сделать, тем эффективней испытуемый выполнял основное задание. Эксперимент показал: сложнее всего игнорировать иррелевантную информацию, когда она семантически связана с той, которую по инструкции следует осознавать.

Рис. 3. Результаты дисперсионного анализа при сравнении среднего времени чтения релевантного текста в каждой из групп

В исследовании зависимости латентного периода осознания от характера стимуляции был использован метод ассоциативного эксперимента. Ставилась цель – установить зависимость латентного периода ассоциации (в качестве индикатора перцептивной защиты) от типа вербальной стимуляции. Испытуемым предлагалось как можно быстрее ответить словом на каждый предъявленный стимул. Тридцать стимулов относились к пяти категориям: высокочастотные, низкочастотные, эмоционально значимые, нецензурные слова и бессмысленные буквосочетания. По завершению процедуры эксперимента было получено в общей сложности 2550 вербальных ответов испытуемых. Средние значения времени ассоциативной реакции по разным группам стимульных слов приведены в таблице 6.

Таблица 6

Средние значения ассоциативных реакций по разным группам стимульных слов (в мсек.)

Группы стимульных слов	Среднее значение (мсек.)
Высокочастотные	3669
Низкочастотные	3479

Эмоциональные	4412
Бессмысленные	7829
Нецензурные	5849

Оказалось, что полученные распределения отличаются от нормального, поэтому был использован метод сравнения двух средних произвольно распределенных генеральных совокупностей, что дало возможность сделать вывод о значимости / незначимости расхождений между типами стимульных слов.

Результаты обработки показали, что наибольшее латентное время ассоциативной реакции (среди осмысленных стимулов) на нецензурные слова свидетельствует о проявлении эффекта перцептивной защиты. Среднее время реакции на эмоциональные слова статистически значимо меньше среднего времени латентной реакции на нецензурные. И хотя нецензурная брань относится к словам, несущим эмоциональный заряд, в ситуации эксперимента, то есть вне социальных контекстов их привычного использования, такие слова составляют предмет экстремального реагирования. Среднее время реакции на нецензурные слова статистически значимо меньше среднего времени ассоциативной реакции на бессмысленные буквосочетания. Этот результат опровергает исходное предположение. Оказалось, что стимул, обладающий смысловой неопределенностью, вызывает наибольшую задержку вербальной ассоциации. Таким образом, этот фактор является более важным, чем табу в культуре, эмоциональная насыщенность информации или частота словоупотребления. С семантически неопределенными стимулами сознание работает дольше.

Исследование зависимости эффектов осознания при решении мнемических задач от характера ранее осознанного опыта включало в себя два эксперимента. В первом эксперименте испытуемые получали следующую инструкцию: «Сейчас Вам будет предложено прослушать отрывок текста. Ваша задача – слушать как можно внимательнее все с самого начала и до самого конца, пока не услышите слова «Можете приступать!» После прослушивания текста Вы получите задание, которое нужно будет выполнить». Далее испытуемым вслух зачитывался отрывок из поэмы А.С. Пушкина «Руслан и Людмила». Отрывок текста содержал названия сказочных персонажей (например, царь Кащей, Леший, Русалка, Кот ученый и т.д.). Сразу после прочтения отрывка экспериментатор произносил слова: «Вы прослушали отрывок из поэмы Пушкина «Руслан и Людмила». Теперь запишите все собственные имена, клички, названия персонажей, которые были озвучены. Можете приступать!» Интерес, прежде всего, представляло то, будут ли испытуемые воспроизводить стимулы «Пушкин», «Руслан» и «Людмила». Они были восприняты испытуемыми до формулировки инструкции к заданию по воспроизведению также как и другие названия, релевантные инструкции. Вместе с тем, осознаваться они могли иначе, чем названия и клички, которые встречались в

прочитанном отрывке, а это, в свою очередь, могло бы повлиять на их последующее воспроизведение. Анализ результатов показал, что из 16 искомым имен испытуемые воспроизводили от 5 до 14. Имена «Руслан» и «Людмила» встречаются лишь в 7 % случаев, а «Пушкин» – в 5 % случаев. Очевидно, что эти стимулы осознавались иначе по сравнению со всеми остальными названиями и именами, что и повлияло затем на принятие решения о их невозпроизведении. (То, что данные стимулы осознавались, показал тест на узнавание). Таким образом, можно утверждать, что испытуемые осознавали, запоминали и продолжали помнить стимульные названия «Руслан», «Людмила», «Пушкин», но не могли их при выполнении инструкции осознать. Как показал анализ самоотчетов участников эксперимента, это удавалось только в том случае, если испытуемый переинструировал себя или приписывал словам экспериментатора дополнительный смысл. Например, говорил себе, что «задание не может быть таким примитивным», «в чем-то заключен подвох», «почему экспериментатор делает акцент на словах «можете приступить», в этом должен же быть какой-то смысл?!» и т.п. Иначе говоря, испытуемый только в том случае воспроизводил интересующие стимулы, если изменял мнемический контекст, в рамках которого осуществлялось воспроизведение (осознание).

Вероятно, осознание названия класса объектов происходит несколько иначе, чем осознание самих объектов, образующих класс. По всей видимости, это одинаково справедливо как в отношении восприятия стимулов, так и в плане их воспроизведения. Вспоминая (пытаясь осознать) названия, которые встречались в отрывке, испытуемые, не осознавая того, должны были помнить, какую инструкцию они выполняют. В противном случае, они бы не могли выполнять полученное задание. Установленный экспериментальный факт во многом сходен с эффектом действия детермирующей тенденции, которая сама не осознается, но обеспечивает актуальные условия для осознания соответствующих стимулов.

В другом эксперименте участвовало две группы испытуемых. Процедура, организованная для первой группы, выглядела таким образом. Испытуемый приглашался в комнату и располагался за столом, на котором уже были разложены 16 предметов: карандаш, зажигалка, ножницы, канцелярская скрепка, две шариковые ручки, блокнот, теннисный шарик и т.п. Среди этих предметов на столе находилась также коробка из-под обуви. Экспериментатор просил испытуемого в течение 30 сек. как можно внимательнее изучить все предметы, лежащие на столе. При этом испытуемому сообщалось, что задание, которое ему нужно будет выполнять, он получит несколько позже. Через 30 сек. экспериментатор просил испытуемого выйти из комнаты. В отсутствие испытуемого со стола убирались все предметы. После этого испытуемый вновь приглашался в комнату, где ему требовалось выполнить следующую инструкцию: «Назовите все предметы, которые лежали на столе».

Процедура, организованная для второй группы, несколько отличалась. Испытуемый приглашался в помещение, в котором на столе лежала закрытая коробка из-под обуви. Экспериментатор на глазах испытуемого открывал коробку, доставал 15 предметов, (которые использовались в качестве стимульного материала и в первой группе) и затем раскладывал их на столе. Коробка оставлялась на столе, на том же месте, на каком она находилась в эксперименте с испытуемыми первой группы. Далее логика действий экспериментатора и испытуемого ничем не отличалась от вышеописанной.

Отвечая на тестовый вопрос экспериментатора «Назовите все предметы, которые лежали на столе», только 10 % испытуемых из второй группы в ряду прочих предметов назвали коробку, в то время как испытуемые из первой группы – в 95 % случаев. Первоначальное осознание коробки как предмета не рядоположенного остальным имело неосознаваемое влияние на принятие решения о невоспроизведении. Анализ субъективных отчетов показал, что большинство испытуемых из второй группы вообще не воспринимали коробку как стимул, который требовалось воспроизводить, хотя, безусловно, все испытуемые видели коробку на столе и понимали слова инструкции, согласно которой необходимо было воспроизвести все предметы, что находились на столе. Наряду с эффектом неосознаваемого негативного выбора, факт, обнаруженный в исследовании, представляет собой разновидность случаев забывания, классифицируемых на основании «осознанности – неосознанности» той информации, которая детерминирует принятие решения о неузнавании и/или невоспроизведении. Таким образом, факты забывания могут быть вызваны как ранее осознанным, так и не осознанным опытом. Но в любом случае, забывание – это не бесследное исчезновение информации из памяти, не стирание следа, а неосознаваемое решение сознания о невоспроизведении.

В исследовании зависимости эффективности воспроизведения от значимости информации и времени интервала удержания проверялось предположение, согласно которому с увеличением интервала удержания будет уменьшаться объем воспроизведения информации, но при этом будет возрастать процент значимой информации. Для проведения эксперимента был составлен список из 30 слов, выражающих ценностные ориентиры человека: Власть, Деньги, Доброта, Дружба, Здоровье и т.п. Экспериментальная процедура состояла из двух этапов. На первом этапе испытуемым давалась следующая инструкция: «Вам предлагается список слов, выражающих ценностные предпочтения человека. Ваша задача – проранжировать все слова в порядке значимости». На втором этапе экспериментальная выборка была разделена на три равные группы по 50 человек в каждой. Первая группа должна была воспроизводить все слова, которые были включены в список слов, предлагаемых для ранжирования, через 1 час после выполнения первого задания. Испытуемые второй группы должны были воспроизводить слова через 24 часа. Испытуемые третьей группы – через неделю. Обработка результатов включала в себя оценку достоверности различий в рангах воспроизведенных и

невоспроизведенных слов-ценностей и моделирование латентных изменений. В каждой из трех выборок была зафиксирована тенденция к воспроизведению наиболее значимых для испытуемых ценностей. При этом скорость, с которой искомые стимулы перестают быть доступными для осознания, статистически примерно одинакова для всех слов-ценностей вне зависимости о того, насколько они субъективно значимы для испытуемых. И хотя независимо от значимости ранее запомненной информации, с увеличением времени интервала удержания уменьшается вероятность ее воспроизведения, доля значимой информации при этом возрастает, что и подтверждает исходную гипотезу исследования.

Исследование работы сознания в условиях гипнотического запрета представляло собой серию экспериментальных опытов, в которых применялись техники гипнотического воздействия. Целью исследования было – выявить эффекты осознания / неосознавания в измененном режиме работы сознания, а также проверить наличие в гипнотическом состоянии возможности возникновения эффекта неосознаваемого негативного выбора. Было проведено пять экспериментов с пятью взрослыми испытуемыми. В гипнотическом состоянии испытуемым запрещалось осознавать или определенный цвет, или число. Например, в одном из опытов испытуемый получал запрет на восприятие желтого цвета. После этого он должен был решать простейшие арифметические примеры. Все цифры, из которых были составлены числа, были написаны чернилами разных цветов. Некоторые цифры были написаны желтыми чернилами. Так, в примере $84 : 2 = \dots$, цифра «8» была изображена синим цветом; цифра «4» – желтым; цифра «2» – красным; арифметические знаки «:» и «=» – коричневым цветом. Испытуемый, решая этот пример, в ответе писал «4». В другом опыте испытуемый получал от экспериментатора инструкцию: «Сейчас Вам необходимо как можно быстрее решать арифметические примеры. Вы хорошо и быстро считаете. Но Вы не будете видеть число 11. Вы не знаете число 11». После этого испытуемому письменно предлагалось решить 10 примеров, типа $88 - 57 = \dots$. Правильным решением четырех примеров (под №№ 3, 6, 7, 10) являлся ответ «11». Испытуемый успешно справился со всеми предлагаемыми примерами, в том числе и с теми, решением которых было число «11». Однако когда экспериментатор попросил озвучить все примеры с полученными ответами, Т. не смог назвать ответ в примерах под №№ 3, 6, 7, 10. Он говорил: «Не знаю... Я вижу, но не знаю, как назвать... Непонятная цифра... Что-то знакомое, но сказать не могу...». В эксперименте с другим испытуемым была повторена та же процедура. Результаты показали, что при гипнотическом запрете на осознание числа «11» испытуемый в ответе примеров под №№ 3, 6, 7, 10 дает ответ «13». Данный результат свидетельствует о проявлении эффекта неосознаваемого негативного выбора. В данном случае он выразился в устойчивом повторении ошибочного решения (последствия ошибки). Испытуемый при решении примера №3 совершал ошибку, вызванную гипнотическим запретом, случайным образом

заменяя правильное решение («11») ответом «13». Затем, при решении примеров под №№ 6, 7 и 10 испытуемый для того, чтобы совершить уже известную ошибку, должен был:

- а) правильно решить пример;
- б) сличить правильное решение («11») с тем следом памяти, который образован вследствие гипнотического запрета;
- в) не осознавая, вспомнить о сделанной ранее ошибке («13» вместо «11»);
- г) принять решение об осознании ошибочного ответа.

Таким образом, ошибки в примерах под №№ 6, 7, 10 являются не случайными, а закономерными. Они могут быть поняты как следствие реализованной логики познавательной деятельности сознания. Чтобы совершить ошибку в определенной стимульной ситуации, необходимо знать правильный ответ, который замещается в осознании ошибочным.

В другом опыте испытуемому внушалось, что зеленый цвет – это «красный», а затем запрещалось видеть красный цвет. В тестовой процедуре от испытуемого требовалось, отложив в сторону, назвать цвет каждой из 8-ми разноцветных карточек, разложенных перед ним на столе. Среди них, одна карточка была красного цвета и одна – зеленого. Испытуемый, выполняя инструкцию, игнорировал карточки зеленого и красного цветов. На вопрос: «Какие карточки ты пропустил?», отвечал: «Я больше здесь ничего не вижу. Здесь ничего нет...». Оказалось, что при запрете осознавать красный цвет испытуемый перестает осознавать не только «красный», но и «зеленый». Полученный результат может быть объяснен так: для того чтобы «не видеть» зеленый цвет, испытуемому нужно:

- а) воспринимать зеленую карточку, не осознавая этого;
- б) неосознанно понимать, что «зеленый» – это «красный»;
- в) не осознавая, помнить о том, что красный цвет видеть запрещено;
- г) неосознанно принимать специальное решение не осознавать карточку зеленого цвета.

Неосознавание «запрещенного» стимула в гипнотическом состоянии, как показали результаты экспериментов, имеет тенденцию к повторению. Другими словами, ранее не осознанный стимул обладает эффектом последствия: при повторных предъявлениях он устойчиво не осознается.

Проведенное исследование показало, что в ситуации гипнотического запрета эффекты когнитивной активности обусловлены неосознанно принятым решением о неосознавании. В несколько иной трактовке эти эффекты могут объясняться влиянием на принятие решения о неосознавании ранее осознанной информации.

В главе 5 «Осознание как результат преодоления избыточности понимания» изложен авторский взгляд на сознание как множественное неосознаваемое понимание. В контексте, заданном таким подходом к рассмотрению сознания, феномен осознания интерпретируется как результат выбора единственного из потенциально существующих в сознании вариантов

понимания действительности. Высказывается также идея о функциональной роли рефлексивного механизма сознания, реализующего неосознанно принятое решение об осознании. Описаны этапы неосознаваемой деятельности сознания, предваряющей эффекты осознания / неосознавания. Обсуждаются перспективы развития психологии сознания.

По результатам теоретического рассмотрения проблемы исследования и анализа экспериментальных результатов предложена трактовка сознания как множественного неосознаваемого понимания. Сознание в каждый момент времени ориентировано на осмысление ситуации, объектов действительности, человеческих действий. Человек как носитель сознания не может существовать в бессмысленной среде. Семантизация всей входной информации происходит на первых этапах когнитивной деятельности. В каждый момент времени сознание располагает избыточным количеством вариантов понимания явлений. Любому явлению сознание одновременно приписывает множество смыслов. После обнаружения и сличения воспринятой информации включается в работу механизм принятия решения об осознании / неосознавании. Механизм принятия решения осуществляет выбор единственного смысла. Выбор зависит от силы влияния как ранее осознанной, так и ранее не осознанной информации. Кроме того, на осознание может оказывать воздействие актуальная иррелевантная информация. Механизм принятия решения также ответственен за неосознавание. Осознание – как конечный результат неосознаваемой деятельности сознания – является следствием выбора единственного из возможных в текущий момент времени способов понимания явления (стимульного воздействия). Интерпретация осознания как результата преодоления потенциально избыточного количества степеней свободы понимания предполагает, что сделанный механизмом принятия решения выбор реализуется другим когнитивным оператором. В работе он назван рефлексивным механизмом. Функция рефлексивного механизма сознания заключается в осознанном понимании неосознанно выбранного понимания. Осознается всегда то, что уже до момента переживания субъективной очевидности происходящего выбрано для осознания. Осознание, таким образом, есть результат исполнения принятого решения.

В диссертации предложена трактовка бессознательного как памяти в аспекте сохранения информации. Структурное описание бессознательного включает в себя три мнемические зоны, которые дифференцируются на основании разной степени доступности содержимого памяти для осознания: зона открытого доступа (надпороговая зона), зона частичного доступа (пороговая зона) и зона закрытого доступа (подпороговая зона). О минимальных возможностях памяти как идеализированного явления следует судить по максимуму возможностей памяти эмпирического субъекта.

Интегрируя основные положения, относящиеся к работе неосознаваемых механизмов сознания, и представление о бессознательном как памяти в аспекте сохранения информации, стало возможным описание этапов микрогенеза

неосознаваемой когнитивной деятельности, предваряющей конечные эффекты осознания. Когнитивная деятельность включает в себя четыре этапа, последовательность которых определяет логику работы неосознаваемых механизмов сознания: обнаружение, сличение, принятие решения об осознании / неосознавании и исполнение решения об осознании.

Ближайшее будущее психологии сознания связано с изучением психомеханики сознания. Построение психомеханической модели сознания – задача, решение которой уже возможно на современном этапе развития научно-психологической мысли. Эта задача предполагает описание логики работы функциональных механизмов сознания. На этапе построения психомеханической модели сознания необходимо объяснить феномен осознания, а для этого требуется детальное исследование того, как сознание функционирует, осуществляя когнитивную деятельность. Этот этап можно условно назвать «зоной актуального развития» психологии сознания.

Следующей важной задачей исследования сознания является соединение в одном концептуальном целом двух сфер: познания и моторики. Как связаны познавательные контуры сознания с моторным контуром? Как моторика понимает «язык» познавательных контуров? Именно эти вопросы определяют проблемное поле исследований в «зоне ближайшего развития» психологии сознания.

В отдаленной перспективе психологической науке потребуется найти ключ к пониманию природы психической энергии. Тогда станет возможным объяснение психоэнергетики сознания. Несмотря на активное употребление понятия «психическая энергия» в научном обиходе, еще не предложено рациональных объяснений того, что это такое. Поэтому сегодня кажутся преждевременными вопросы типа: «Как ее можно измерить? Что является единицей психической энергии?» Таким образом, у психологии сознания вопреки множеству сложнейших проблем, которые ей предстоит решить, несомненно, есть свои перспективы развития.

В заключении обобщаются результаты диссертационного исследования и делаются итоговые **выводы**:

1. Функционирование сознания осуществляется в силу определенных законов, действующих в психической сфере, так как психическая реальность, в том числе осознаваемые переживания как часть этой реальности, является порождением природы. Поэтому открытие законов работы сознания не только возможно, но и необходимо в плане объяснения феномена осознания.

2. Осознание является конечным результатом деятельности сознания, поэтому отождествление сознания и осознания является неправомерным.

3. Работа функциональных механизмов сознания сознанием не осознается.

4. Наряду с функциональными механизмами, в класс неосознаваемых явлений сознания должно включаться и неосознаваемое содержание сознания. В свою очередь, неосознаваемая информация может быть как иррелевантной, так и релевантной.

5. Эффекты осознания в большей степени обусловлены влиянием ранее осознанного опыта в сравнении с воздействием ранее не осознанной информации.

6. Эффект интерференции является следствием вынужденного осознания иррелевантной информации. Чем лучше удастся не осознавать действие дистрактора, тем менее выражен интерференционный эффект. Таким образом, контроль успешности игнорирования иррелевантной информации приводит к ее осознанию, снижая эффективность обработки релевантной информации.

7. Необходимым этапом когнитивного процесса является принятие решения об осознании. Механизм принятия решения об осознании осуществляет актуальный выбор одного из множества вариантов понимания действительности.

8. Сделанный механизмом принятия решения выбор реализуется другим функциональным устройством сознания – рефлексивным механизмом, который обеспечивает субъективную очевидность осознаваемых переживаний.

9. В результате анализа факторов, влияющих на эффекты осознания, и систематизации разрозненных эмпирических фактов выделены 6 видов детерминирующих влияний на принятие решения об осознании / неосознавании:

- Влияние на эффекты осознания ранее осознанной информации.
- Влияние на эффекты осознания ранее не осознанной информации.
- Влияние на эффекты осознания неосознаваемой иррелевантной информации.
- Влияние на эффекты осознания актуально осознаваемой (частично осознаваемой) иррелевантной информации.
- Влияние на неосознавание ранее осознанной информации.
- Влияние на неосознавание ранее не осознанной информации.

10. Структуру бессознательного как памяти в аспекте сохранения информации образуют три мнемические зоны. *Первая мнемическая зона* является надпороговой зоной воспоминания. Для осознания – это зона открытого доступа. *Вторая мнемическая зона* – пороговая зона воспоминания. Для осознания это зона ограниченного доступа. *Третья мнемическая зона* – подпороговая – является для осознания зоной закрытого доступа.

11. Экспериментально проверена зависимость эффективности воспроизведения (осознания) от отношения значимости информации ко времени интервала удержания следа в памяти. Независимо от значимости ранее запомненной информации, с увеличением времени интервала удержания уменьшается вероятность ее воспроизведения, но доля значимой информации при этом возрастает. Следовательно, эффективность воспроизведения (осознания) зависит от совместного действия двух факторов: времени интервала удержания и значимости ранее запомненной информации.

12. Микрогенез неосознаваемой когнитивной деятельности, предваряющей эффекты осознания, осуществляется в четыре этапа: обнаружение, сличение, принятие решения, исполнение решения.

13. В ходе серии экспериментальных исследований деятельности сознания при решении когнитивных задач было установлено, что

- осознание неопределенного стимула определяется семантикой как ранее осознанной, так и ранее не осознанной предваряющей стимуляции.

- На результативность выполнения задачи «лексического решения» и, следовательно, на сам факт принятия решения об осознании существенное влияние оказывает характер предваряющей не осознанной стимуляции. Оpozнание слова происходит с наибольшей результативностью, если предваряющим не осознанным стимулом служит слово, связанное по смыслу с опознаваемым. Оpozнание бессмысленного набора букв происходит с наибольшей результативностью, если в качестве предваряющего стимула также выступает бессмысленный набор букв. В том случае, когда предваряющим стимулом является слово, опознание бессмысленного набора букв происходит с максимальным количеством ошибок даже по сравнению с ситуацией, когда предваряющим стимулом является числовой ряд.

- Величина интерференции со стороны иррелевантной информации становится максимальной в том случае, когда ее осознание в процессе обработки релевантной информации оказывается неизбежным.

- На результативность обработки релевантной информации негативно влияет фактор семантического сходства актуальной иррелевантной и релевантной информации.

- Эффект перцептивной защиты может выражаться в увеличении латентного периода времени ассоциативной реакции. Фактор смысловой неопределенности в работе сознания является более важным, чем табу в культуре, отрицательный эмоциональный заряд или частотность слов. С семантически неопределенными стимулами сознание работает дольше.

- Забывание является результатом неосознанно принятого решения о неосознавании. Факты забывания могут быть вызваны неосознаваемым влиянием ранее осознанного опыта.

- В ситуации гипнотического запрета результаты когнитивной активности обусловлены неосознанно принятым решением о неосознавании исходя из ранее осознанного опыта.

- Обнаружен эффект неосознаваемого негативного выбора в ситуации гипнотического запрета. Неосознавание в гипнотическом состоянии имеет тенденцию к повторению, то есть ранее не осознанный стимул обладает эффектом последствия: при повторных предъявлениях он устойчиво не осознается.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях автора**:

Издания, рекомендованные ВАК:

1. Агафонов А.Ю. Смысл как единица анализа психического // Вестник СамГУ. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1998. – №3(9). – 9 с.

2. Агафонов А.Ю. Новый взгляд на проблему рефлексии // Известия Самарского научного центра РАН. «Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. 2002». – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2002. – 5 с.
3. Агафонов А.Ю. Закон тотальной сохранности мнемических следов: опыт эмпирического обобщения // Вестник СамГУ. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. – № 3(25). – 11 с.
4. Агафонов А.Ю., Макаров А.В. Исследование самосознания учащихся подросткового возраста в качестве средства оценки образовательных систем // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук. 2003». – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2003. – 8 с. / 6 с.
5. Агафонов А.Ю. Сознание и осознание // Известия Самарского научного центра РАН. Актуальные проблемы психологии. Самарский регион. 2003. – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2003. – 7 с.
6. Агафонов А.Ю. Память, картина мира и когнитивный смысл общения // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук. 2004». – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2004. – №1. – 7 с.
7. Агафонов А.Ю. Понимание и память: сознание и бессознательное // Вестник СамГУ. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. – №1(31). – 13 с.
8. Агафонов А.Ю., Вересов Н.Н. «Внутреннее» – это где? // Журнал прикладной психологии. – М.: Издательский Дом «ЭКО», 2004. – №3. – 8 с. / 4 с.
9. Агафонов А.Ю., Коронцевич О.А. Исследование эффекта эмоциональной оценки результатов мыслительного процесса // Журнал прикладной психологии. – М.: Издательский Дом «ЭКО», 2004. – № 4-5. – 6 с. / 5 с.
10. Агафонов А.Ю. Работа сознания в условиях гипнотического запрета // Журнал прикладной психологии. – М.: Издательский Дом «ЭКО», 2004. – № 4-5. – 5 с.
11. Петровский В.А., Агафонов А.Ю. Научный диалог // Журнал прикладной психологии. – М.: Издательский Дом «ЭКО», 2004. – № 4-5. – 14 с. / 4 с.
12. Агафонов А.Ю. Исследование зависимости времени запоминания от объема запоминаемого материала // Вестник СамГУ. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005. – №1. – 7 с.
13. Агафонов А.Ю. Влияние семантической настройки на эффекты осознания в перцептивной деятельности // Журнал прикладной психологии. – М.: Издательский Дом «ЭКО», 2005. – № 6. – 10 с.
14. Агафонов А.Ю. Специфика понимания в мыслительном контуре сознания // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы гуманитарных наук. 2004». – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2004. – №2. – 6 с.

15. Агафонов А.Ю., Митина О.В., Федотова А.Ю. Деятельность сознания в условиях интерференционного конфликта // Известия Самарского научного центра РАН. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии. Поволжский регион». – Самара: Изд-во Самарского научного центра РАН, 2005. – 7 с. / 3 с.

16. Агафонов А.Ю., Митина О.В. Экспериментальная проверка зависимости эффективности воспроизведения от отношения интенсивности следа ко времени интервала удержания // Вестник СамГУ. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2006. – №1(41). – 10 с. / 5 с.

Монографии:

17. Агафонов А.Ю. Человек как смысловая модель мира. – Самара: Изд-во «Бахрах-М», 2000. – 336 с.

18. Агафонов А.Ю. Основы смысловой теории сознания. – СПб.: Изд-во «Речь», 2003. – 296 с.

Учебные и методические пособия:

19. Руководство к практическим занятиям по психофизиологии: Учебное пособие / Под ред. О.В. Лавровой, В.Ф. Пятина – Самара: НВФ «СМС», 1999. – 160 с. / 28 с.

20. Агафонов А.Ю. Сенсорика. Перцепция. Представление: Учебное пособие. – Самара: Изд-во СМиУ, 2002. – 25 с.

21. Агафонов А.Ю. Психология образных явлений: Учебно-методическое пособие. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2003. – 37 с.

22. Агафонов А.Ю., Волчек Е.Е. Психология мнемических явлений: Учебное пособие. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2005. – 120 с. / 105 с.

Статьи в научных журналах:

23. Агафонов А.Ю. Человек парадоксальный: штрихи к портрету // Вестник университета РАО. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – №1. – 17 с.

24. Агафонов А.Ю. Об амодальной природе смысла // Смысл и выражение. Контroversы современного гуманитарного знания: Сб. статей / Под ред. В.А. Конева. – Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. – 6 с.

25. Агафонов А.Ю. Читая Мадди... Послесловие к кн.: Мадди С. Теории личности. Сравнительный анализ. – СПб.: Изд-во «Речь», 2002. – 4 с.

26. Агафонов А.Ю. Современная отечественная психология и инфляция рационализма // Проблема сознания в психологии и смежных науках: Межвузовский сборник научных трудов. – Самара: Изд-во «Парус», 2002. – 6 с.

27. Агафонов А.Ю. Будущее психологии сознания // Ежегодник Российского психологического общества. Материалы 3-го Всероссийского съезда психологов 25-28 июня 2003 г. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 5 с.

28. Agafonov A.Yu. Ideals of Rational Knowledge, Modern Russian Psychology, and the Phenomenon of Consciousness. In Journal of Russian and East European Psychology. – N.Y., 2003. Vol. 41. No.6. – 30 с.

29. Агафонов А.Ю. Перспективы развития психологии сознания // Проблема сознания в психологии и смежных науках: Сборник статей. Вып.2. – Тольятти: Изд-во ТГУ, 2005. – 6 с.
30. Агафонов А.Ю., Яшкова Н.А. Исследование влияния фона на оценку релевантных характеристик фигуры // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.1 / Под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2005. – 4 с. / 2 с.
31. Агафонов А.Ю., Плетнева А.М. Семантика цвета как изобразительное средство в поэзии (на примере анализа творчества С.А. Есенина) // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.1 / Под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2005. – 8 с. / 4 с.
32. Агафонов А.Ю., Федотова А.Ю. Изучение Струп-феномена при усложнении задачи игнорирования // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.1 / Под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2005. – 8 с. / 5 с.
33. Агафонов А.Ю. Осознание в контексте изучения сознания в психологии. Статья первая // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.2 / Под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2005. – 15 с.
34. Агафонов А.Ю., Макаров А.В. Методологические принципы изучения сознания // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.2 / Под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2005. – 6 с. / 4 с.
35. Агафонов А.Ю., Бубнова Е.А., Волчек Е.Е. Изучение зависимости латентного периода осознания от характера стимуляции (ассоциативный эксперимент) // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.3 / Под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. – 7 с. / 3 с.
36. Агафонов А.Ю. Осознание в контексте изучения сознания в психологии. Статья вторая (опыт научных поисков в отечественной психологии) // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.3 / Под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. – 22 с.
37. Агафонов А.Ю., Козлов Д.Д., Чукина Е.С. Исследование зависимости решения когнитивной задачи от семантики иррелевантной информации // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.3 / Под ред. А.Ю. Агафопова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. – 4 с. / 1.5 с.
38. Агафонов А.Ю., Макаров А.В., Молодченко О.Г. Изучение зависимости эффектов деятельности сознания от специфики предваряющей информации при выполнении задачи «лексического решения» // Психологические исследования: Сборник научных трудов. Вып.3 / Под ред.

А.Ю. Агафонова, В.В. Шпунтовой. – Самара: Изд-во «Универс-групп», 2006. – 10 с. / 4 с.

39. Агафонов А.Ю. Забывание как неосознаваемое решение сознания о невозпроизведении // Экспериментальная психология познания: когнитивная логика сознательного и бессознательного / Аллахвердов В.М. и др. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. – 12 с.

Тезисы докладов на научных конференциях:

40. Агафонов А.Ю. К вопросу о составе психического // Материалы международной конференции «Проблемы интеграции академической и практической психологии». – Самара: Изд-во «Самарский университет», 1999. – 4 с.

41. Агафонов А.Ю. К вопросу о модели функционирования памяти в познавательной деятельности // Интеграция науки в высшей школе: Материалы научной международной конференции. В двух частях: Ч.1. – Самара: Изд-во УРАО, 2001. – 4 с.

42. Агафонов А.Ю. Личность в гуманитарном контексте // Материалы всероссийской конференции «Фундаментальные проблемы психологии. Личность в исторической психологии». – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2002. – 3 с.

43. Агафонов А.Ю., Коронцевич О.А. Роль неосознаваемого компонента мышления в решении задач // Творческое наследие А.В. Брушлинского и О.К. Тихомирова и современная психология мышления: Тезисы докладов на научной конференции. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2003. – 3 с. / 2 с.

44. Агафонов А.Ю. Картина мира и научная теория: черты сходства // Материалы международной научной конференции «Модернизм в психологии». – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2004. – 6 с.

45. Агафонов А.Ю. Принятие решения об осознании как когнитивный механизм // Вторая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов: В 2-х т. – Санкт-Петербург, 9-13 июня 2006 г. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2006. – Т.2. – 2 с.

Подписано в печать 05.09.06
Гарнитура Times New Roman. Формат 60x84/16. Бумага офсетная. Печать оперативная.
Усл.-печ. л. 2,25. Уч.-изд. л. 2,67. Тираж 100 экз. Заказ № 1286
443011, Самара, ул. Академика Павлова, 1

Отпечатано УОП СамГУ